

● ЗАКОН ЕСТЬ, А КТО ЗАЩИТИТ!

ТЯЖКАЯ НОША—ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ КРЕСТ

«Союз Чернобыль Украины» — одна из самых массовых Всеукраинских общественных организаций, основной задачей которой является социальная защита пострадавших от Чернобыльской катастрофы. Но можно ли в наше сложное время серьезно говорить о конкретной помощи потерпевшим со стороны «СЧУ». Пока, конечно, нет. Почему! Об этом беседа корреспондента «Вестника Чернобыля» с президентом этого объединения чернобыльцев Юрием АНДРЕЕВЫМ.

— Прежде чем начать разговор, Юрий Борисович, расскажите, пожа-

луйста, о структуре вашей организации?

— «Союз Чернобыль Украины» по обществен-

ному рейтингу занимает третье место в стране, после Союза ветеранов и «Просвіти», которые были созданы десятки лет назад.

Численность «СЧУ» согласно членским билетам сегодня составляет 420 тысяч человек. Имеются также областные, районные и городские организации —

всего их 248. Кроме того, создаем сейчас и отраслевые общественные организации «СЧУ». За счет чего планируем использовать социальную базу конкретных отраслей, чтобы лучше решать проблемы их же чернобыльцев. И, во-вторых, чтобы отраслевые специалисты могли выработать

свои, профессиональные принципы по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС. Это прежде всего касается военнослужащих, работников других ведомств. В результате мы создали общественные чернобыльские организации в министерствах: обороны, внутренних дел, Службе безопасности, Госкомгидромете Украины, среди энергетиков, речников, работников культуры и т. д.

[Окончание на 2-3 стр.]

[Окончание.]

Начало на 1 стр.]

— Юрий Борисович, что еще вы можете сказать о деятельности «Союза Чернобыль Украины»?

— Об этом можно говорить много. Но я остановлюсь на вопросе буквально вкратце. Возьмем, к примеру, нашу львовскую организацию. В апреле нынешнего года львовяне проинкетировали облсовет, потому что там до сих пор отсутствует Чернобыльское управление или хотя бы отдел, который курировал бы реализацию чернобыльских программ по области. Из-за чего здесь происходят многие нарушения по использованию средств, выделяемых на социальные нужды пострадавших от трагедии на ЧАЭС. Во Львове уж было подзабыли, что такое пикетирование, а чернобыльцы напомнили.

— Но вам приходится как-то регулировать этот процесс протестов?

— Безусловно. Есть и крайне радикальные предложения по оставанию прав чернобыльцев. Такие, например, как массовые голодовки, мы принципиально противники подобных мер, люди и так пострадали и ухудшить их здоровье, особенно инвалидов, я считаю, нецелесообразно. Все это — негуманно и бесчеловечно. Не поддерживаем и те голодовки, которые инициируются на местах. Они зачастую носят несправедливый, индивиденский характер, когда люди пытаются решить свои личные проблемы. Продайте мне, дескать, холодильник по цене 1991-го года. Иначе я буду голодать. Как это было, например, в Кривом Роге. Или голодали раньше, требуя черную икру по старой цене. Я понимаю, если бы эти требования исходили в пользу детей-инвалидов, которые тяжело больны. Но подобные собственнические требования просто неуместны. Даже в 1986 году были уже не просто голодовки, а настоящие пикетирования мебельных магазинов в Киеве, когда чернобыльские погорельцы, эвакуированные из Припяти, требовали мебель. Причем, не простую, а импортную. Скажем, румынские гарнитуры, которые на то время стоили 15—20 тысяч рублей. Все это выглядело крайне неприлично, кощунственно. Ведь Черно-

быльский фонд формировался тогда на пожертвования предприятий, отдельных граждан. Это был общественный фонд, когда даже пенсионеры вносили трешки и пятерки из своих скудных сбережений.

— Кстати, вы можете рассказать о Чернобыльском фонде подробнее: уж больно много легенд ходит вокруг него.

— Это вопрос особый. Если сказать откровенно, то государственный Чернобыльский фонд — просто условное название, фактически его нет. Все деньги поступают в распоряжение Национального банка Украины, как видите, даже не на счет минчернобыля (все-таки эта организация стоит к нам ближе всех). И лишь потом Минфин перечисляет отдельные суммы на счет Минчернобыля. Дальше деньги поступают в областные управления, которые зачастую используют средства не по назначению. Так, недавно Киевская городская депутатская комиссия обнаружила серьезные нарушения по оздоровлению детей, проживающих в Киеве. Деньги использовались через коммерческие структуры. От 20 до 40% средств осели в карманах нынешних нумеришней. За такие суммы тысячи детей чернобыльцев смогли бы дополнительно получить путевки для оздоровления и лечения.

— Ну а более конкретные нарушения случаются?

— В этом нет никакого сомнения. Кроме нарушений многих статей закона о социальной защите лиц, пострадавших от Чернобыльской трагедии, есть еще и злоупотребления в использовании Чернобыльского фонда, который даже «по благословению» прокуратуры транжирируется не по назначению. Были случаи, когда деньги уходили на решение жилищных вопросов нынешнейomenclатуры. И по тем фактам, которые были выявлены работниками «Союза Чернобыль Украины», скажем, по Андрушевской области и по Переяслав-Хмельницкому — Киевской, где жилье, которое предназначалось для переселенцев Полесского и Народичского районов, было использовано для нужд местных чиновников. Мы обратились в органы прокуратуры с требованием расследования

данного факта. Прокуратура подтвердила случаи злоупотреблений и направила все документы в адрес тех же руководителей, которые сами и занимались этими злоупотреблениями!

— Это не единственный пример, когда наша прокуратура, даже на республиканском уровне, становится на защиту лжечернобыльцев. Такие сведения поступают со всей Украины. И годами тянутся пересмотры всех дел, а прокуратура, ссылаясь на нечеткость нашего законодательства, не принимает никаких мер.

— Есть ли какой-то выход из создавшегося положения?

— Думаю, что да. Многие злоупотреблений можно было бы избежать, если бы у нас был свой собственный банк. Тем более, что такой предусмотрен статьей 6 Закона Украины «О правовом режиме территории, подвергшейся радиационному загрязнению вследствие Чернобыльской катастрофы». Но в этом стране не заинтересованы Национальный банк Украины, Минфин, Кабинет министров. Потому что им выгодно использовать Чернобыльский фонд, как «инсородную подушку» при решении каких-то синопических, в том числе и политических, целей. Но повторю еще раз, если нам удастся создать хотя бы не банк, а просто его филиал при одном из банков Украины, мы сможем избежать многих неприятностей. Это будет и выгодней, и надежней. Более того, бывает и такое, что деньги не берем месяцами и проценты тоже кто-то «съедает».

— Есть еще одна неприятная «зубная боль» для чернобыльцев. Такая, скажем, как гуманитарная помощь. Можно ли провести здесь какую-то параллель?

— Это вполне возможно. Тема гуманитарной помощи очень сложная. Все говорят, что она продается и разворовывается. И правильно говорят. Но мы сейчас отказались от подобных подачек. Разве что кроме медикаментов. Зачем нам нужно барахло, бывшее в употреблении? Хотя по стоимости оно равно хорошим лекарственным препаратам. Немаловажно еще и то, что зарубежные благодетели ищут в этом деле для себя интерес, и далеко небескорыстный. Благо, что рас-

плывчатые законы Украины позволяют совершать всяческие манипуляции.

— Не исключено, что и среди наших так называемых «благодетелей» находятся и такие, которые не прочь погреть руки на чужой беде?

— Да, этого у нас имеется сколько угодно. Более того, некоторые из них пытаются внести раскол в «Союз Чернобыль Украины». Могу привести пример. Ранее у нас существовала такая организация в Вагютинском районе Киева под руководством тоже чернобыльца, Георгия Ивановича Бауды. Но он под покровительством председателя райсовета Анатолия Алексеевича Мокроусова решил отколоться от нас и создать отдельную, ассоциацию. Главное то, что Минюст в рекордно короткое время зарегистрировал эту организацию, которая, не успев подготовить Устав, отобрала у «Союза Чернобыль Украины» всю соб-

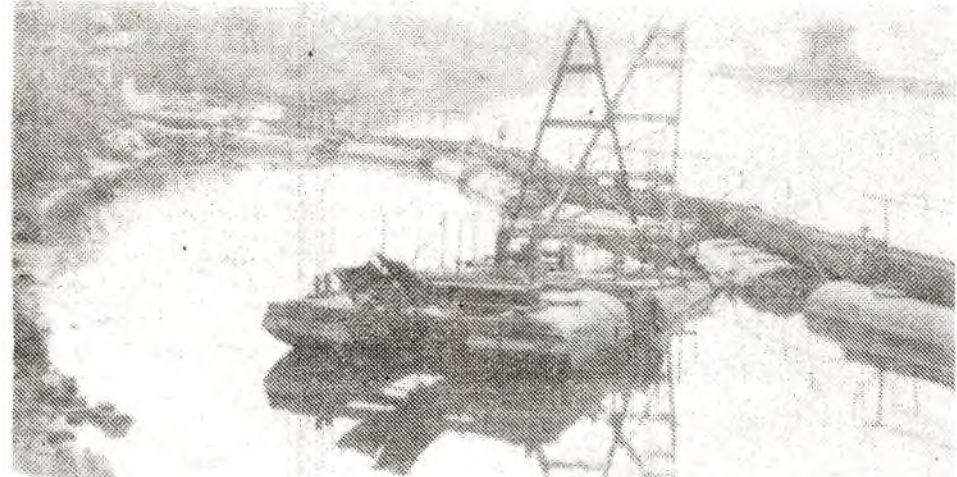
им заблагодарсудится. Повторю: такая гуманитарная помощь нам не нужна! Ведь все подобные фонды и «фондики» пользуются огромными льготами. Под предлогом благотворительной деятельности они освобождают свои предприятия от государственных налогов. Под видом гуманитарной помощи ввозят из-за границы нужную им продукцию. Получают собственные посылки без уплаты таможенной пошлины. И таможенники смотрят на все сквозь пальцы. Поэтому что наше несовершенное законодательство позволяет все. Да что там говорить! Ведь у нас отдыхают и поправляют свое здоровье за границей дети, далеко не пострадавшие от Чернобыльской аварии. А те, которые действительно нуждаются в лечении, остаются в стороне. И правительство смотрит на все это безобразно спокойно. Кому-то даже выгодно, чтобы расчленил, внесли разброд в ряды «Сою-

Хиросиме, уже по истечении 50 лет, ученым Японии до сих пор не удалось справиться с последствиями атомной трагедии, то что уж говорить о нищей Украине? А ведь последствия ЧАЭС более тяжкие! Поэтому и заинтересован в том, чтобы пресса, освещая Чернобыльскую тему, не уподоблялась страусу, который прячет голову в песок. Потому что пресса из ста случаев освещения чернобыльских проблем, может посвятить людям всего лишь один материал.

— В общем-то вы считаете, что на первом плане должны быть люди?

— Да. Самые эффективные затраты — это затраты на человеческие программы. Именно они должны служить пострадавшим от Чернобыльской трагедии. Но это еще не значит, что каждому надо выдать энную сумму денег. Конечно же нет. Их надо тратить, в первую очередь на сокращение внутренних и внеш-

ТЯЖКАЯ НОША

ственность: помещения, машину, мебель. И организовали ассоциацию из 10 человек. А господин Мокроусов за покровительство получил приглашение на туристический круиз по Германии за деньги... благодетелей. Сейчас мы готовим судебный иск на руководителей ассоциации.

Всего же в Украине насчитывается 360 чернобыльских общественных организаций и фондов. Около 140 из них построены по чисто воровским принципам. Это лишь те, что удалось нам зафиксировать.

— Одним словом, лазеек и возможностей есть немало у нечестных людей для того, чтобы поживиться за счет Чернобыльского фонда?

— Безусловно. Например, Законом Украины разрешено продавать гуманитарную помощь. Но ее монополизировали так называемые малые предприятия. И транжирируют ее направо и налево. Естественно, что не без пользы для себя. И под предлогом такой благотворительной торговли творятся всяческие махинации. И сколько за счет этих денег устраивается песенных шоу, рок-концертов, показушных пышных обедов. А в Белой Церкви сумели даже получить 30-минутную программу на телевидении с тем, чтобы показать, какие они хорошие. У «Союза Чернобыль Украины» подобных денег нет. Кроме того, такие руководители получают из-за границы чуть ли не персональную гуманитарную помощь. Да и туда под этим видом отправляют все, что

за Чернобыль Украины». Оно и не мудрено. Зачем нужна такая массовая организация, которая борется за судьбы людей, пикетирует? Пусть лучше всем этим балом правят те, кто защищает свои шкурнические интересы, делает все исподтишка...

— Юрий Борисович, все чернобыльские проблемы вряд ли можно рассмотреть в одной беседе. Но все же, о чем еще вы хотели бы сказать по этому поводу?

— Действительно, тема, рожденная Чернобыльской катастрофой, многогранна и бездонна. Но, к великому сожалению, при общении с прессой, другими общественными организациями и ведомствами, которые считают, что они якобы занимаются Чернобыльской проблемой, на первом плане таких вот пресс-конференций, совещаний, обсуждений всегда стоит вопрос о Чернобыльской АЭС, «саркофаге». То есть обсуждаются, как правило, все техногенные вопросы. Подобная тенденция накладывается и во всех межгосударственных соглашениях. Скажем, тот же Клинтон и другие считают, что в первую очередь надо заниматься «саркофагом» и выводом ЧАЭС из эксплуатации. Это — в корне неправильная. Ведь Чернобыльская трагедия — прежде всего человеческая беда. Она рождена человеческими руками. И в результате этого теперь миллионы людей несут свой тяжкий Чернобыльский крест. И будут нести его еще долго. И не одно поколение ощутит результаты трагедии. Если в

них доз облучения, которые люди получают и поныне. И прежде всего такие мероприятия надо проводить в 30-километровой зоне отчуждения. Здесь необходимо сделать все для сокращения ее зараженности. Но только не теми бездумными методами, которые применялись раньше. Так, как, скажем, проводилась здесь дезактивация. На эти мероприятия на протяжении многих лет были истратены миллиарды рублей и карбованцев. Но результатов от этих работ почти никаких.

— Если я понял правильно, то в ближайшем будущем ожидать чего-то хорошего нашим чернобыльцам вряд ли придется?

— Это уж точно. Страна наша, как мы уже знаем, с каждым днем становится все беднее. И не случайно, что чернобыльские дела также постоянно ухудшаются. Сегодня из-за отсутствия финансов многие государственные программы стали просто невыполнимыми. Например, для их реализации на этот год необходимо порядка 300 трлн. грн., а госбюджетом выделено всего лишь 80 трлн. грн. Поэтому в крайне тяжелом положении оказалась медицинская программа, на которую на год отпущен 1 трлн. грн., что составляет на каждого жителя Украины, имеющего статус пострадавшего или же ликвидатора аварии на ЧАЭС, — 200—250 тыс. грн. Но лишь один день содержания человека на больничной койке составляет более 1,5

млн. крб. в сутки. Не говоря уже о серьезных операциях, где эти суммы исчисляются в миллиард и более крб. Поэтому не случайно, что медицинская программа у нас уже стала мифом.

Неосуществимой является и проблема отселения людей из зараженной зоны, где проживание практически уже невозможно. Сейчас только в Полесском районе проживают более 2400 семей. Медицина здесь хоть какая-то существует. Но в районе фактически прекратили свою деятельность многие предприятия. И людям работать негде. В большинстве многоэтажных домов проживают всего лишь четверть населения. В остальных квартирах выбиты оконные рамы, двери. Зимой отопительная система может разморозиться, тогда возникнет острый вопрос уже не об отселении людей, а о их эвакуации. Потому что деньги на ремонты инженерных сетей, коммуника-

кровенно, то человечество не гарантировано от подобных трагедий. Поэтому уже сейчас необходимы меры по локализации таких аварий. Но, как известно, нынче ни одна страна в мире не в состоянии в одиночку побороться с подобной стихией. Для этого необходимы совместные усилия хотя бы тех развитых стран, которые используют атомную энергию. Одним словом, мировое сообщество должно быть всегда готово к подобным инцидентам.

— Давайте уточним вопрос: как же используется такой опыт, сопряженный с огромными материальными затратами и большим риском для здоровья людей?

— Если сказать откровенно, то накопленный опыт попросту разворовывается. Причем неоправданно, преступно. Нередко он попадает в руки недобросовестных людей, которые буквально за мизерную плату продают его. Среди таких есть и

всю эту работу французам оплачивает Министерство здравоохранения Украины. Для них даже арендная плата за все услуги снижена. Но, что удивительно, наша пресса взахлеб расхваливает эффективность деятельности французского центра.

— Выходит, что нашу страну обворовывают все, кому не лень и экономически и интеллектуально?

— Да, наша нынька-Украина сейчас нищая и на ее беде наживаются многие. В том числе и Россия. Те специалисты, которые работали на ЧАЭС после аварии в составе Комплексной экспедиции института имени Курчатова, получили в свое распоряжение информацию о состоянии «саркофага», ядерного топлива и прочее. И всеми документами теперь владеют россияне. А Украина не имеет данных даже по «саркофагу», который

и для всех ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС. Потому что на государственными карман сейчас надеяться нельзя. Он уже почти опустел. И для хозяйственной деятельности, повторю, здесь есть все возможности. В зоне имеются лесные массивы. Древесина в них чистая. Здесь же небезуспешно проводятся опыты по выращиванию пушных зверей, крупного рогатого скота, пчел, мальков рыб и пр. И, к сожалению, наука там, потребляя огромные деньги на разработку всевозможных технологий, практически не выдала почти никаких рекомендаций по использованию зараженных территорий в хозяйственных целях. Чтобы можно было получать в зоне чистую продукцию и потреблять ее потом за пределами Чернобыля. Хотя, конечно, какие-то разработки уже имеются, но, похоже, что они никого не интересуют. То же самое можно сказать и о консервировании города Припять. По-прежнему, что и через сто лет в нем никто жить не будет. Но в пределах разумного город использовать можно. А сейчас он разрушается.

Причем причастны к этому и нынешние ликвидаторы. Вызывает тревогу и тот факт, что в 30-километровой зоне отчуждения, в том числе и на ЧАЭС, до сих пор еще работают инвалиды второй и третьей категорий. Их заболевания связаны с аварией на ЧАЭС. Но они продолжают трудиться в особо вредных радиационных условиях. Это ненормальное явление. Но самое страшное то, что инвалиды Чернобыля нередко занимают высокие государственные посты. И имея энцефалопатию второй и третьей степени, принимают судьбоносные решения в государственных масштабах. А согласно Уголовно-процессуальному кодексу, они освобождены от уголовной ответственности в случае противоправных действий. Из этого следует, что инвалиды Чернобыля не могут быть использованы на работе в особо вредных условиях и не могут занимать ответственные посты, в том числе связанные с материальной ответственностью. Представьте себе картину: главный бухгалтер или же кассир обворовывают государственную казну, а судить их за это невозможно будет?

— Юрий Борисович, подводя итоги нашего разговора, что бы вы добавили ко всему сказанному?

— Больше всего меня беспокоит тот факт, что власть имущие никак не могут повернуться лицом к бедам чернобыльцев. Я уже говорил ранее, что обстановка среди людей накалилась до предела. И если не будут приняты кардинальные меры по улучшению жизни пострадавших от Чернобыльской катастрофы, то я не уверен, что все обойдется благополучно. Мы, конечно, не сторонники крайних мер, но терпение людей не безгранично.

Интервью взял
Станислав ТИТЕНКО.

На снимках из архива «ВЧ»: дети из Иванковско-го района, граничащего с зоной отчуждения; противопаводковые работы; «самоселы» Чернобыльской зоны.

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ КРЕСТ

ций, в связи с запретом капитального строительства во второй зоне, уже давно не выделяются. Все только разрушалось и разваливалось.

Но если Полесский район стал уже нежизнеспособен, то этого нельзя сказать о Народичском, что в Житомирской области. Здесь руководство и население района считают, что его надо возрождать, а не отселить отсюда людей. Там, кстати, очень бережно относятся к освобожденному ранее жилому фонду. Где нет такого варварства, как, скажем, в Полесском, Варовичах, Бобре, Ясене, да и в самом Чернобыле, где дома расхищены, изуродованы. И они уже не для каких целей непригодны. Милицейских работников везде хоть отбавляй, а охраны никакой. Да и противопожарные мероприятия в этих местах почти не проводятся. И если в том или ином месте вспыхнет пожар, то от эвакуированных поселков не останется и следа.

— Юрий Борисович, вы хорошо знаете, что в Украине накоплен огромный горький опыт по ликвидации атомной аварии, но есть ли от этого хоть какая-то польза? И под силу ли нам такая работа?

— Если сказать от-

ученые. Например, ряд научных работников как-то отправились в составе правительственной комиссии за рубеж. Некоторые из них сразу же изменили свое гражданство. И теперь за границей торгуют незаконно теми научными наработками, которые они приобрели в Чернобыле. Могут привести и такой пример. В данное время в Эстонии проживают ликвидаторы аварии на ЧАЭС. На их основе американцы создали небольшую мониторинговую программу по изучению состояния здоровья бывших чернобыльцев. Берут у них анализы крови, проводят другие опыты. Но деньги за это американские специалисты платят эстонцам и их правительству. Действует в Украине и французский детский центр, в котором проводятся исследования по изменению состава крови у детей, пострадавших от Чернобыльской трагедии. И там из них ведрами качают кровь. Правда, французские ученые якобы делают компьютерную распечатку исследований и для украинских медицинских работников. Но эти распечатки не читаются нашими специалистами. Получается, что французы наживаются такой опыт только для себя. Но странно и то, что

находится на ее территории.

— Что вы можете сказать о нынешнем состоянии 30-километровой зоны отчуждения? Здесь также имеется немало всяческих проблем, которые требуют здравого осмысления.

— Мы считаем, что зона должна стать хозрасчетной. Крайне необходимо, чтобы все программы, которые разрабатываются и накапливаются здесь, окупали себя. Для этого необходимо отменить все запреты на хозяйственную деятельность в зонах. Украина не такая уж богатая держава. Кстати, ни одна страна в мире не имеет таких зон, которые были бы исключены из хозяйственного оборота. А у нас они охватывают огромные территории, где имеются лесные массивы, плодородная земля, водные пространства. И все это можно было бы использовать с большой выгодой. Я не буду сейчас давать рекомендации, как все это сделать. Для этого в 30-километровой зоне Чернобыля есть и Администрация, и многие другие руководители, которые должны заниматься такими вопросами. И чем раньше они приступят к делу, тем лучше будет для них самих же

